

СТАТЬИ

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ОФОРМЛЕНИЯ
КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Академик Б. Греков

Решить вопрос о периодизации того или иного общественно-исторического процесса — значит найти качественные отличия отдельных этапов его развития, время отмирания одних явлений и зарождения других, вскрыть причины и следствия этих изменений. Иначе говоря, установить во всей конкретности и диалектичности основные линии изучаемого процесса.

В данном случае я имею в виду установление периодов в истории крестьян на Руси с древнейших времён, т. е. со времени появления крестьянства как класса феодального общества, и до оформления крепостнических отношений.

В нашем распоряжении имеется опыт периодизации истории крестьян в эпоху феодализма, сделанный Марксом на материале тех стран Западной Европы, которые рано изжили феодальные общественные отношения и в XV—XVI вв. стали переходить к капиталистическому строю¹.

Ряд замечаний, сделанных Марксом в примечаниях к «Капиталу» и в переписке с разными лицами и прежде всего с Энгельсом, позволяет нам утверждать, что Маркс точно так же, как и Энгельс, находил необходимым несколько по-иному рассматривать судьбы крестьянства в той части Европы, которая расположена на восток от Эльбы, где феодализм уступил место капитализму только в XIX веке.

В своей уже подготовленной к печати книге «Крестьяне на Руси» я поставил себе задачу изучить историю крестьян в России, именно как в одной из стран, где феодальные отношения задержались до XIX века.

Для историка, изучающего феодальный период любой страны, история крестьян является важнейшей проблемой. Крестьянство в феодальном обществе — это основной класс, производящий блага, необходимые для жизни народа в целом, класс, зависимое от землевладельцев состояние которого является характерной чертой феодального способа производства.

Понятно, почему во всех странах литература о крестьянах занимает весьма видное место.

Поскольку история крестьянства никогда не была политически нейтральной, в её изучение часто вплетались элементы классовой заинтересованности. Взять хотя бы, к примеру, вопрос о том, владел ли крестьянин в древности землёй. Сколько беспокойства по этому поводу пережили русские помещики накануне освобождения крестьян и сколько путаницы в науку внесло решение вопроса, отвечавшее вожделям землевладельцев. Им хотелось, чтобы у крестьянина никогда не было своей земли, чтобы крестьянин был бродячим и приставал на помещичьей земле в виде временного съёмщика помещичьей земли — арендатора.

Землевладелец древней Руси изображался многими авторами настолько гуманным и деликатным, что разрешал себе занимать только пустопорожнюю землю, на которую, подобно опытному пчеловоду, при-

¹ См. К. Маркс «Капитал». Т. III, гл. 47. М. 1932.

влекал рой бродячих оборванцев и доставлял им возможность подкармливаться на его земле.

Такую концепцию мы можем встретить у большинства историков русского крестьянства. Очень ограниченное количество фактов и отсутствие подлинно научной теории, способной повести исследователя по верному пути, было причиной того, что в науке этот вопрос очень часто решался в соответствии с желанием землевладельца.

Были и другие теории, которые пытались доказать, что сердце крестьянина от природы устроено так, что оно жаждет крепостной зависимости, что в ней крестьянин видит своё естественное состояние и благо общественное. Это направление создано Петражицким. В нашей науке его представлял П. Е. Михайлов. Примеров менее оригинальных теорий в нашей историографии по крестьянскому вопросу можно привести немало.

Попытки осветить историю русских крестьян (понимая под термином «русский» всю Русь, когда-то единую, потом разъединённую, Русь Великую, Русь Белую и Украину) многочисленны и разнообразны.

Изучение вопроса началось давно. Уже московские публицисты первой половины XVI в. по-своему обсуждали и решали крестьянский вопрос. В XVIII в. делались серьёзные попытки научного разрешения проблемы. По мере обострения классовой борьбы разработка истории крестьян приобретает всё большую общественно-политическую остроту, в результате чего правительство Александра I в 1818 г. предписало, чтобы в журналах и отдельных сочинениях ничего не печаталось ни в защиту, ни в опровержение «вольности или рабства крестьян», как русских, так и иностранных. К числу последующих мер в том же направлении следует отнести запрещение в 1849 г. профессорам изъяслять на лекциях «в неумеренных выражениях сожаление о состоянии крепостных крестьян» или доказывать, что перемена в отношениях крестьян к помещикам была бы полезна для государства.

При таких условиях научная разработка истории крестьян в XIX в. была крайне затруднена. Только накануне освобождения крестьян, в 1858 г., стали появляться специальные по этому предмету исследования.

Сейчас я не ставлю перед собой задачу — дать обзор историографии этого большого вопроса. Мне хочется остановиться на тех сторонах сложной истории крестьян, которые могут помочь нам разобраться в её сущности и вывести закономерности, общие для истории крестьян в тех странах Европы, которые Маркс определял географически «на восток от Эльбы».

Тут я должен отметить наличие, к сожалению, ещё не напечатанного труда С. Д. Сказкина, где автор делает, на мой взгляд, удачную попытку теоретически обосновать отдельные этапы истории крестьян в западной части Европы.

В своей вышеназванной книге «Крестьяне на Руси» я хотел выполнить ту часть работы, которая осталась неосвещённой у С. Д. Сказкина. В настоящей же статье я считаю полезным привлечь внимание только к одной, правда, самой существенной стороне дела, именно — к вопросу о периодизации в истории русского крестьянства.

Прежде всего мне представляется необходимым установить древнейшую, доступную для изучения хозяйственную базу, которая, несомненно, определяла положение крестьянина в производстве и в последующее время. От того или иного решения этого вопроса зависит всё дальнейшее понимание истории крестьян.

Вынужден возвратиться к вопросу, совершенно ясному, потому что в совсем недавнее время то здесь, то там поднимаются голоса в защиту давно отжившей и необоснованной «теории» о древней Руси, как о стране охоты и торговли, где земледелие не играло сколько-нибудь заметной роли.

Для меня не представляет ни малейшего сомнения, что именно земледелие было основным занятием не только славян, в частности и восточных, но и народов, предшествовавших славянству в Восточной Европе. Я имею в виду неизвестное нам население Восточной Европы так называемой трипольской культуры и более поздних скифов-пахарей в двух его разновидностях: $\gamma\epsilon\sigma\phi\upsilon\omega\iota$ и $\gamma\alpha\sigma\tau\eta\sigma\epsilon\varsigma$. О последних совершенно ясно говорит Геродот, и его сообщения полностью подтверждаются другими данными как письменных, так и неписьменных археологических источников. Трипольская культура с этой, интересующей нас стороны прекрасно выяснена Т. С. Пассек.

Если трипольцы и скифы-пахари были земледельцами, то и их наследники — восточные славяне — не могли не знать земледелия. Без всяких колебаний мы можем признать земледелие основным занятием восточных славян.

Далее, для того чтобы подготовить почву для решения вопроса о том, с какого именно момента мы можем говорить о крестьянине как хозяине, самостоятельно ведущем своё земледельческое хозяйство, нам необходимо познакомиться с техникой земледелия и с тесно связанными с нею общественными отношениями в древнейшую, доступную нашему изучению пору.

Тут мы имеем в достаточной степени аргументированные соображения археологов. П. Н. Третьяков², специально изучавший историю Восточной Европы в первом тысячелетии до н. э. и в первом тысячелетии н. э., приходит к выводу, что родовые отношения с коллективным хозяйством и подсечным земледелием стали уступать место более прогрессивной форме общественных отношений приблизительно в III—IV столетиях первого тысячелетия н. э. К этому времени исчезают укрепленные поселения, сменяясь неукрепленными посёлками, складываются общественные объединения типа союзов племён, что говорит о разрушении родового строя. С IV—V столетий появляются новые формы разделения труда и зачатки ремесленного производства, обнаруживаются признаки обмена между населением соседних посёлков, появляется пашенное земледелие. Поэтому ничего не может быть естественнее и правдоподобнее того, что сообщается в Новгородской летописи в начале XII в. о наличии уже в это время на Руси трёхполья, а предположительно даже и раньше.

Мне кажется, что мой оппонент П. П. Смирнов попробовал слишком просто опровергнуть мой вывод по этому поводу, когда в своей статье «Образование русского централизованного государства» писал: «Трудно согласиться с Б. Д. Грековым, будто бы в Новгородской области в XII веке применялся трёхпольный оборот. Упоминание в Новгородской летописи под 1127 годом «озимища» (в тексте летописи «озимица») и ярового свидетельствует только о посевах на зиму с осени и весной, но ни о трёхполье, ни о двухполье это не говорит»³. О чём же тогда говорят посевы озимого и ярового, если не о трёхполье? Мой оппонент этого не объяснил.

Надо иметь в виду, что наблюдения П. Н. Третьякова касаются верхнего Поволжья, т. е. территории более отсталой по сравнению со средним и нижним Поднепровьем.

Всё это, вместе взятое, позволит сделать заключение, что признаки классового общества у восточных славян появились задолго до образования Киевского государства. Ряд данных, которые я старался показать в других своих работах, позволяет говорить о первом политическом объединении восточных славян, о дулебском союзе племён уже в конце VI века.

² Третьяков П. «К истории племён верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.», стр. 83—85. 1941.

³ Смирнов П. «Образование русского централизованного государства». «Вопросы истории» № 2—3 за 1946 г., стр. 55.

В классовом обществе крестьянство занимает определённое место. Экономическая сущность крестьянина, выраженная в том, что он является мелким собственником, земледельцем, самостоятельно ведущим своё земледельческое хозяйство, соединяемое с домашним ремеслом, не меняется на протяжении всей истории крестьян как класса, начиная с древнейших времён. Меняются на протяжении этой истории только отношения между крестьянином и землевладельцем.

Только с того момента, когда родовая община со своим коллективным хозяйством превратилась в соседскую, с частной собственностью на землю и с индивидуальным хозяйством, можно говорить уже не только о земледелии и земледельце, а именно о крестьянине, свободном члене крестьянской соседской общины.

Остались ли какие-либо следы от времени, когда свободное сельское земледельческое население составляло народ? Конечно, остались. Мы имеем следы этого времени и в дошедших до нас письменных памятниках, прежде всего в Русской Правде. Имеем яркое отражение этого времени и в языке.

Мы имеем глубочайшей древности термин «смерд», происходящий от корня мерд — человек. Корень этот имеет удивительно широкое распространение: иранское и таджикское *mard, merd*, возможно, и в финских языках *mort, murt*, отсюда уд + мурт, морд + ва. Всюду этот термин обозначает человека вообще, людей.

Так по этому поводу писал и патриарх славяноведения Шафарик: «Древнерусское смерд (смердь = *rusticus*), морданица (*servitus*) должно быть сравнено с именем народа: мордва, морвия (корень обоих слов персидский *merd*—человек, муж)»⁴. Такие же сопоставления приводил А. А. Шахматов: «Мордовское *mirde* (муж), вотякское *murt* (человек), авестийское *mereta*, новоперсидское *mard* (человек)»⁵. Это мнение, наконец, утвердил своим авторитетом и Н. Я. Марр⁶. Правда, есть и иные толкования происхождения термина «смерд»⁷.

Мы не ошибёмся, если последуем в этом отношении за Марром, Шахматовым и Шафариком. Именно такое понимание происхождения этого термина полностью совпадает с нашим представлением об эволюции общественных отношений и связанной с нею терминологии.

Одно это слово, сохранившееся на огромном пространстве от Одера до Ирана, от Чёрного моря до Прибалтики, заставляет нас серьёзно задуматься над древними связями народов Европы и Азии. Я не ставлю своей задачей проследить эволюцию этого термина вообще, остановлюсь только на эволюции его на Руси.

Если в доклассовом обществе до образования славян этот термин обозначал понятие человека вообще, то в процессе формирования славянства и выделения из людской массы более богатой и знатной прослойки, т. е. уже в процессе образования у восточных славян классов, для обозначения общественных верхов потребовались новые слова. Такие слова и появились: для обозначения купца появился термин «гость», для богатого и знатного землевладельца — «болярин», «боярин», для княжеского слуги-дружинника — «княж муж».

Народная масса, из недр которой выростали гости, бояре, княжьи мужи, оказалась внизу и сохранила за собой старое наименование — смердов. Постепенно, по мере увеличения социального расстояния между верхами общества и сельской земледельческой массой, слово «смерд» начинает приобретать оттенок уничижительный, даже оскорбительный и ассоциируется со словами «смород», «смердеть».

⁴ Шафарик П. «Славянские древности». Т. I. Кн. 1-я, стр. 93. М. 1837.

⁵ Шахматов А. «Введение в курс истории русского языка», стр. 35. 1916.

⁶ Марр Н. Избранные работы. Т. III, стр. 20, 22; т. V, стр. 527 и др.

⁷ M k l o s i é «Etimologisches Wörterbuch», S. 310. 1886. Он допускал происхождение этого термина от персидского *merd*; предпочитает тем не менее производить термин от слова «смерд» — «смердеть».

Точно такая же эволюция, по словам акад. В. В. Струве, происходила в Египте с термином «ромэ». Сначала слово «ромэ» обозначало человека вообще, а позднее, уже в классовом обществе, этот термин стал обозначать слугу, зависимого, социально приниженного человека.

Меня могут упрекнуть в том, что это рассуждение слишком отвлечённо. Во-первых, ни одна наука не может обходиться без теоретических построений, а во-вторых, это построение логически правильно и не вызывает сомнений со стороны онтологической. Таким путём мы отчасти уже устанавливаем исходный момент изучения истории крестьян на Руси, а отчасти предпрещаем и вопрос о смердах, до сих пор вызывающий некоторые расхождения в нашей науке.

Смерды — это масса сельского земледельческого населения. Этим и объясняется распространённость термина на столь огромной территории. Мы имеем основание выделить время независимого существования массы сельского населения в особый период, признав при этом, что хотя он и малодоступен исследованию, тем не менее самое наличие такого периода не может подлежать ни малейшему сомнению: слишком много для этого у нас имеется косвенных фактических доказательств и теоретических соображений.

Для конкретного представления дальнейшей истории земледельческого сельского населения как класса принижённого необходимо считать с тем, что самое возникновение господствующего класса возможно было лишь при наличии рабочей силы, власть над которой только и могла сделать человека богатым, поставить его над массой, обеспечить ему политическое преобладание. Такой силой в это старое время могли быть и были только патриархальные рабы. Они своим трудом кормили своего господина, упрочили его материальную базу, сделали его достаточно могущественным для того, чтобы обзавестись военной дружиной, при помощи которой он уже мог расширять свои земельные владения и подчинять себе сидящее на земле до сих пор вполне свободное, живущее в общинах население.

В то же время нельзя забывать, что процесс выделения из среды общинников знати есть только часть общего процесса роста имущественного неравенства, как неизбежное следствие наличия частной собственности. Нельзя забывать, что в итоге этого процесса появились не только богатые люди вверх, но обедневшие люди вниз и что этих последних нужда заставляла идти в кабалу, как это в своё время отметил В. И. Ленин.

Таким образом, можно установить, что расширение кадров рабочей силы, необходимой для богатых и знатных людей, шло двумя путями: путём принуждения внеэкономического и экономического. К рабам присоединялись рядовичи, а затем и смерды. Так менялся состав челяди. Он делался более сложным. Если условно называемый первый период в истории сельского населения малодоступен подлинному исследованию, то второй достаточно ясно обозначен в наших письменных источниках.

Этот второй период характеризуется наличием господского землевладения и эксплуатации челяди, состоящей первоначально из патриархальных рабов, тогда входивших в состав familia, с течением времени пополняемой разорёнными выходцами из общин и, наконец, даже смердами, включаемыми сюда путём внеэкономическим. Челядь доставляла своему хозяину всё необходимое для содержания как его семьи, так и штата его слуг, по преимуществу военных.

Это период господства «наиболее простой и первоначальной формы ренты», взимаемой под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя⁸. Этот период начался тогда, когда появилась эксплуатация челяди, стало быть, очень задолго до образования Киевского государства. Челядь упоминается в древней редакции

⁸ См. К. Маркс «Капитал». Т. III, ч. 2-я, стр. 140, 267, 270.

Русской Правды. Несмотря на то, что её функции там не обозначены, нетрудно догадаться, для каких надобностей она существовала.

В Правде Ярославичей середины XI в. термин «челядь» раскрыт в своём конкретном содержании: это холоп, рядович и (с некоторыми оговёрками) смерд.

Этот состав челяди говорит о серьёзных переменах в экономической и общественной жизни всей страны. Поскольку смерды начали приравняться к челяди, можно предполагать, что в XI в. уже заканчивает своё существование тот период, когда челядь была характерной формой эксплуатации чужого труда.

Здесь можно видеть признаки переходного времени от первоначальной отработочной ренты к новой форме ренты—продуктами, которая не совсем вытесняет предыдущую, а отодвигает её на второй план. Преобладание ренты продуктами знаменует переход общественно-политических отношений на высшую ступень. Возникает вопрос: когда и как происходил этот переход на Руси?

К сожалению, мы не имеем возможности точно ответить на этот вопрос. Известно, что Вислицкий статут XIV в. в Польше и Галицкой Руси застаёт ренту продуктами как явление уже повсеместное, обычное и не новое. Люстрация Киевской земли 70-х годов XV в. говорит о том, что во второй половине XV в. в Поднепровье господствовавшая до этого времени рента продуктами уже начинает уступать место вторичной барщине и по отношению к этой новой барщине является стариной. Новгородские писцовые книги второй половины XV в. дают доказательства полного преобладания ренты продуктами с тенденцией к замене её рентой денежной.

Материалы второй половины XV в. говорят о новом рубеже в истории хозяйства Руси и, следовательно, в истории как землевладельцев, так и зависимого от них крестьянства.

Так намечаются хронологические вехи третьего периода истории хозяйства и зависимого сельского населения — приблизительно с XII—XIII вв. до середины XVI. Это период преобладания оброчной системы эксплуатации зависимого крестьянства.

С середины XVI в. (опять, конечно, приблизительно) начинают проявляться признаки уменьшения удельного веса ренты продуктами, замены её рентой денежной. В то же время — что характерно только для стран Европы на восток от Эльбы — имеет место весьма заметное усиление барщины, вызванное к жизни требованиями рынка, обуславливающее в свою очередь большие перемены в экономическом и правовом положении крестьян.

В это время настолько заметно меняется самый состав зависимого и независимого сельского населения, что термин «крестьянин» делается уже слишком общим и расплывчатым. Сдвиги, происходившие в положении крестьян в это время, настолько ясно проявлялись, что ни один из моих предшественников не мог пройти мимо них, хотя происхождение самого явления они объяснить не могли. Поэтому при попытках разобрататься в этой сложной обстановке выявлялось немало трудностей, перед которыми нередко становились втупик даже очень крупные исследователи.

Этот, уже четвёртый по счёту период в истории зависимого сельского населения завершается оформлением крепостнических отношений. Этим периодом я и заканчиваю свою вышеназванную книгу.

Я наметил внешнюю сторону периодизации, установил вехи истории крестьянства в России. Чтобы избежать упреков в схематизме, я более детально остановлюсь на каждом из этих периодов.

Не буду касаться первого периода, периода свободной соседской крестьянской общины, поскольку в нашем распоряжении по этому периоду мало конкретного материала.

Второй период, период господства примитивной отработочной ренты, генетически связанной с тем временем, когда впервые появилась эксплуатация человека человеком, достаточно хорошо отображён в наших источниках. Общественные отношения никогда не исчезают прежде, чем не появятся новые, идущие им на смену. Поэтому совершенно в порядке вещей в каждый данный момент наблюдать параллельное существование умирающего и рождающегося.

Если привилегированный землевладелец перестал довольствоваться челядью, хотя бы и в расширенном понятии термина, и обратился к эксплуатации доселе свободного крестьянина, — это уже обозначает начало нового периода в истории хозяйства и в то же время является симптомом отмирания старого.

На стыке старого и нового черты патриархального рабства хозяин распространяет и на правовое состояние нерабов. Имея в виду именно это время, Энгельс заметил, что первые крепостные носили на себе черты первобытного рабства. В древнерусских источниках об этом периоде имеются прямые и косвенные свидетельства.

В имени родителей Феодосия Печерского в первой половине XI в. работает челядь, часть которой, безусловно, составляли рабы. В Житии Феодосия эта рабочая сила так и названа рабами. Но к церковной терминологии мы должны относиться с осторожностью. Там термином «раб» обозначается очень широкий круг людей, в конечном счёте даже всех людей, поскольку они являются «рабами» божьими⁹. Терминология церкви идёт от римского рабовладельческого общества. Светская терминология знает в этом случае слово «челядь», которое никогда не соответствовало понятию «раб» ни в греческом, ни в латинском, ни в еврейском языках, с которых делался перевод священного писания на славянский язык.

Древнейшая Русская Правда, упоминая челядь, несомненно, намекает нам и на форму её эксплуатации. Ведь именно от трудов челяди, и прежде всего на господской земле, питаются, одеваются и согреваются те самые «мужи», для защиты привилегий коих и составлен этот закон.

Правда Ярославичей говорит об этом ещё яснее, вводя в состав эксплуатируемого в княжеском хозяйстве населения, кроме холопа, ещё и рядовича и смерда. Пространная Правда, в той части её, которая не без основания приписывается Владимиру Мономаху, останавливаясь на закупе, разновидности рядовича, ясно говорит о том, что закуп эксплуатируется в форме отработочной ренты.

Есть основания допускать, что и часть зависимых смердов времён Мономаха и раньше эксплуатировалась в той же форме. Что зависимый смерд — в это время смерд крепостной, в этом нас убеждает также и ст. 90 Пространной Русской Правды о наследовании смерда. Зависимый смерд может передать свой участок земли и своё имущество вообще только по мужской линии. При отсутствии сыновей имущество переходило хозяину.

Совершенно то же мы можем видеть и в Польской Правде. И не удивительно, что история крестьян в Польше и на Руси протекала совершенно аналогично.

Новейший историк польского хозяйства проф. Рутковский, говоря об эксплуатации челяди в Польше до XIII в., утверждает, что в Польше даже в XII и XIII вв. крупное хозяйство опиралось ещё на труд рабов, обезземеленного бродячего населения, вынужденного искать себе при-

⁹ В этом смысле и Дмитрий Ларин назван «рабом»: «Смиранный раб и бригадир под сим крестом вкушает мир» (А. Пушкин).

станица, и, наконец, крестьян, права которых на землю подвергались ограничению в интересах хозяина, крупного землевладельца¹⁰. Одна и та же крестьянская община имеется и в Польше и на Руси.

Право мёртвой руки живёт также и там и здесь. Отменяется оно в XIV в. одновременно как для Польши, так и для той части Руси, которую завоевала в это время Польша. Когда оно было отменено по всей Руси, мы не знаем. Но нам хорошо известно, что оно перестало здесь действовать, по крайней мере, в том виде, в каком изображает его Русская Правда.

Характерное объяснение отмене права мёртвой руки в отношении французских крестьян даёт И. В. Лучицкий, который приводит мнение архиепископа безансонского, который в XII в. писал об этом так: «Ввиду плодородной почвы и мягкого климата поместье будет быстро заселяться, как только все узнают об уничтожении мёртвой руки; *mains mortales* ленивы в работе, так как исполняют её для других; они истощают почву и не заботятся о том, что будет после их смерти; совершенно иначе они будут поступать, когда узнают, что их имущество передаётся ближайшим их родственникам».

Я не собираюсь настаивать на том, что французские *mains mortales* полностью соответствуют зависимым смердам Русской Правды, но что они близки к положению челяди, в этом не может быть сомнения. В грамоте безансонского епископа больше всего интересен мотив освобождения *mains* — мортаблей. Делается это в целях поднятия заинтересованности в своём хозяйстве крестьянина, не столько в пользу самого крестьянина, сколько его хозяина, в данном случае архиепископа.

Казимир Великий, «король польских хлопов», когда отменял это право, очевидно, рассуждал приблизительно так же. Один из комментаторов его закона об отмене мёртвой руки назвал право мёртвой руки законом, противоречащим справедливости и здравому смыслу. А ведь в течение нескольких предшествующих столетий этот закон ни в ком из землевладельцев и самой власти не возбуждал сомнений в его целесообразности.

Перед нами несомненная перемена в хозяйственной психологии феодала: он хочет, чтобы крестьянин вёл хозяйство лучше, чтобы достатки крестьянина увеличивались, тогда и землевладелец вернее сможет получать с исправного крестьянина свой чинш. Психология изменилась в связи с переходом к новой системе хозяйства и эксплуатации зависимых крестьян. Это совершенно очевидно.

Новая система заключалась в том, что феодал, успевший расширить свои земельные владения и увеличить количество зависимых от него крестьян-земледельцев, мог использовать их только путём получения с них оброка. Эта форма эксплуатации не ставила никаких границ жажде землевладельцев к расширению своих земельных владений и увеличению количества своих подданных.

Расширять своё барское хозяйство в узком смысле, т. е. увеличивать свою запашку, равно как и другие отрасли добывания продуктов, у хозяев не было ни возможности, ни надобности: возможности — потому, что для этого необходимы были предварительные большие затраты, возместить которые при слабо развитом рынке никак нельзя было; необходимости — потому, что всё, потребное для землевладельца и его двора, шло к нему в руки более простым, никаких затрат не требующим путём.

Крестьянин, сидящий на оброке, внеэкономическим путём принуждённый отдавать часть своего продукта поставленному над ним господину, не нуждался ни в какой помощи со стороны хозяина. Крестьянин-оброкник был для своего хозяина в полном смысле даровым источником всяких благ.

¹⁰ Rutkowski Jan «Zarys gospodarskich dziejow Polski w czasach przedrozbiogowych», str. 41. Poznan. 1923.

Наличие массы крестьян-оброчников не исключало существования старой челяди. Последняя оставалась и продолжала обслуживать своим трудом барский дом. Тут мы видим различного рода ремесленников: оружейников, портных, сапожников, золотых и серебряных дел мастеров, поваров, пекарей, сокольников, конюхов, домашнюю прислугу, мужскую и женскую, и, наконец, военных слуг, на обязанности которых лежали сопровождение своего хозяина в поход, защита его во время битвы и участие в военных действиях русского войска вообще.

Эта челядь всех рангов и специальностей находилась на иждивении своего хозяина. А иждивение это доставлял крестьянин. Чем больше крестьян было у боярина, тем он считался богаче; чем многочисленнее челядь-дворня — тем в глазах общества знатнее.

Зависимых крестьян-оброчников надо было держать в повиновении. Ведь никаких других средств, кроме принуждения, у боярина для этого не было. Функцию принуждения брало на себя государство, одной из пружин которого делался сам землевладелец-феодал. Он становился в своих владениях начальником с частью государственных прав. Население обязано было его кормить, чтить и слушать во всём и под суд к нему ходить. Хозяин превращался таким образом в носителя власти, население его владений — в подданных. Это уже черты феодальной сеньерии.

Итак, новый, третий этап в истории крестьян гораздо сложнее предыдущего. Тут меняются форма и роль государства, меняется политическое лицо землевладельца, делается иной форма эксплуатации основной массы зависимого крестьянства, значительно увеличивается за счёт свободного крестьянства число крестьян-подданных.

Все эти факты хорошо известны, и я напоминаю о них с тем, чтобы обосновать намеченный мною новый период в истории русского крестьянства. При изучении этого периода уже меньше приходится прибегать к ретроспективным заключениям. В нашем распоряжении достаточно подлинных фактов для того, чтобы иметь основание выделять этот период в самостоятельный. Имеются такие первоклассные источники, как Вислицкий статут для Галицкой Руси, люстрации для земель Поднепровья, писцовые книги для Северо-западной Руси, некоторое количество актов-материала.

Опираясь на эти источники, можно говорить довольно уверенно о характерных особенностях этого периода. Тут, естественно, возникает вопрос об установлении начальной для данного периода даты. Мы не можем точно указать, в какое именно время вотчинник превращается в сеньера и крестьянин — в подданного; когда именно рента продуктами отодвигает первоначальную, отработочную ренту на второй план. Да и едва ли вообще возможна здесь точная датировка, особенно при огромных пространствах Русской земли, с её разнообразными условиями природы, хозяйства, культурного уровня населения и пр.

В XI—XII вв. боярство расщепило Киевское государство на части. В некоторых частях Руси оно либо совсем захватило власть в руки (Новгородская республика) либо было близко к этому (Галицкая Русь). Этот период и является временем утверждения землевладельческой знати в новом своём политическом положении. Эти даты могут служить нам ориентиром и для решения поставленного выше вопроса.

Следует отметить, что исследование этого периода в истории крестьян по сравнению с последующим временем представляет значительные трудности, на что и жаловались всегда исследователи. Указанные выше источники всё-таки не могут дать ответов на многие стоящие перед исследователем вопросы, потому что эти источники либо касаются только небольшой части Руси либо являются сравнительно более поздними. Надежды исследователей, в том числе и мои, на возможность изучения XIII—XIV вв. связывались с источниками новгородско-псковскими и галицко-волинскими.

Новгородская республика и Галицкое королевство меньше других частей Руси пострадали от татарского погрома и подвергались гнѣту татарского ига. Новгородско-Псковские, Галицко-Волынская летописи дают нам хороший материал для суждения о политической жизни этих государств, частично раскрывая перед нами и некоторые стороны общественных отношений. Кроме того общественные отношения Галицкой Руси освещаются Вислицким статутом, Новгорода и Пскова—Новгородской и Псковской судными грамотами.

Изучению Галицкой земли я уделяю больше внимания ещё и потому, что Галицкая Русь, очутившаяся под властью Польши, долго ещё боролась за сохранение своего русского права, по обломкам которого мне казалось возможным провести наблюдения над эволюцией норм Русской Правды в XIII—XIV—XV вв. лучше, чем по другим источникам. Польские учёные этот период в истории Галицкой земли справедливо называют временем «русского права».

Не один я возлагал надежды в этом отношении на Галицкую Русь. У меня есть такие предшественники, как Линниченко и Максимейко. Есть специальный труд польского историка Гейноша «Пережитки старого общественного строя в Галицкой Руси XV века», вышедший в 1928 году. Этим же вопросам касается и другой крупнейший польский учёный — Францишек Буяк.

Не могу сказать, что источники по истории Галицкой Руси полностью удовлетворили меня, но всё же они дали мне много. Мост от Русской Правды к Вислицкому статуту, к Новгородской, Псковской судным грамотам и к Московскому судебнику проложен, хотя и не столь прочный, как хотелось бы.

Само собой разумеется, что тут надо было проявлять очень большую осторожность, так как на основе этих источников нельзя решать вопрос для всей Русской земли.

Однако, если трудно точно установить начало этого периода, если дальнейшую эволюцию всех норм Русской Правды не всегда удаётся выяснить с достаточной ясностью и полнотой, то на основании наших источников совершенно смело можно говорить об основном характере как состояния сельского хозяйства в XIII—XIV вв., так и отношений между землевладельцем и земледельцем.

Без всяких сомнений на основе этих документов можно констатировать два основных факта: наличие сеньерии, с её замкнутым, натуральным хозяйством, и господство натуральной ренты. Таким образом, мы можем считать оправданной и научно доказанной необходимость выделения третьего периода в истории крестьян на Руси.

В нашем распоряжении вполне достаточное количество хорошо проверенных, не возбуждающих ни у кого никаких сомнений фактов, позволяющих прийти к вполне обоснованному выводу о том, что в Московском государстве приблизительно со середины XV в. происходят настолько значительные изменения и в хозяйстве, и в классовых отношениях, и в структуре государства, что неизбежным делается вывод о появлении в истории Руси новой грани.

Некоторые стороны этих крупных изменений уже вскрыты нашей наукой. Мы знаем, что в это время идёт процесс ликвидации уделов и превращения Руси в централизованное государство, что параллельно идёт перестройка армии, в связи с чем обостряется вопрос о земле, необходимой для обеспечения служилых людей; окончательное освобождение от татарского ига с новой силой пробуждает воспоминания о давнишнем единстве Руси.

Что происходит в это время в сельском хозяйстве, в среде землевладельцев и земледельцев? Потребность ответить на этот вопрос сознавалась уже давно. Ключевский совершенно точно подметил сильно заинтересовавший его факт появления многочисленной группы населения,

лишённой средств производства, вынужденной искать себе пристанища. Но причина этого явления осталась для него неясной, в чём он и признался. На этот вопрос ответил В. И. Ленин, указав на то, что причина этих перемен лежит в изменившихся условиях внутреннего рынка.

Нетрудно убедиться, что аналогичные (конечно, до известной степени) процессы знают все страны Европы на восток от Эльбы. Поэтому совершенно понятно, почему историки, занимавшиеся этими проблемами на материале нерусском, не раз подходили к этим вопросам и часто высказывали свои суждения.

Самая распространённая попытка объяснения больших перемен в общественных отношениях этого времени исходит из признания главнейшим фактором внешнего международного рынка. На такой точке зрения стояли И. В. Луцицкий, Бальцер и многие другие. Сущность этого объяснения сводится к тому, что часть европейских земледельческих стран в XVI в. усилила производство хлеба в связи с увеличением спроса на него главным образом в Англии и Голландии, расширивших своё производство мануфактурных товаров за счёт сокращения земледелия.

Мы не можем отрицать того, как прекрасно показано это в последней работе С. Д. Сказкина, что к XVI в. в Европе действительно произошли крупные перемены в общественных отношениях. Часть европейских стран — Англия, Франция, Италия, Кастилия, Португалия — уже в значительной степени изжила у себя феодальные отношения, успешно вытесняемые капиталистическим строем. Другая, значительно большая часть Европы — Восточная Пруссия, Австрия, Польша, Литва, Ливония, Россия — оставалась феодальной.

Нельзя отрицать также и того, что спрос на привозный хлеб действительно вырос и в Англии и в Голландии. Всё это верно. Но позволю себе высказать сомнение в том, чтобы победа капитализма в одной части Европы могла вызвать столь большую перестройку сельского хозяйства в другой, более значительной части её. Во-первых, ни одна из стран с успешно развивающимися капиталистическими отношениями не прекратила своего собственного сельского хозяйства. Капитализм внёс только изменения в организацию сельского хозяйства и в форму эксплуатации рабочих рук. Не прекратила производство хлеба даже Англия, хотя оно там, несомненно, несколько сократилось. Во-вторых, если даже, скажем, в Англии или Голландии возросла нужда в привозном хлебе, то не в таких количествах, чтобы вся Европа на восток от Эльбы стала серьёзно расширять и интенсифицировать своё сельское хозяйство для того, чтобы удовлетворить спрос внешнего рынка в названных странах. Между тем мы точно знаем, что Восточная Пруссия, Австрия, Польша, Ливония и Россия одновременно и весьма энергично с конца XVI и в начале XVII в. приступили к перестройке своего сельского хозяйства. Мы знаем также и то, что эта перестройка происходила под влиянием усилившегося спроса на хлеб, но не столько на внешнем, сколько на внутреннем рынке.

В этом же направлении высказывались уже некоторые польские историки, что для меня имеет особо важное значение, поскольку Польша была территориально самой близкой страной к тем внешним рынкам, о которых идёт речь. Висла была самым удобным путём, по которому, согласно теории, отдающей предпочтение роли внешнего рынка, должен был идти хлеб в Нидерланды и Англию.

Вот что пишет по этому предмету крупнейший знаток польской торговли проф. С. Кутшеба. Он считает «совершенно неверным» объяснение перемен в польском сельском хозяйстве тем, что в 1466 г. Польша получила гавань Гданьск. «Европа тогда ещё не нуждалась в польском хлебе, так что Польша не могла и вывозить его. Этот вывоз хлеба, надёжно засвидетельствованный в XV и XVI вв. гданьскими регистрами и польскими таможенными книгами, пока ещё очень незначителен. Он начинается

усиливаться только в конце правления Сигизмунда I и ещё более при Сигизмунде-Августе (1530—1572. — Б. Г.), хотя и тогда ему ещё далеко до тех размеров, каких он достиг позднее и какие часто неверно относят уже к этой эпохе»¹¹.

Приблизительно такого же мнения держится и другой, более молодой польский историк—Я. Рутковский. Он пишет: «Торунский мир 1466 г., который дал Польше доступ к морю и облегчил через это экспорт хлеба, был, несомненно, важным явлением для развития земледелия. Однако статистика экспорта хлеба показывает, что только в XVI веке он приобрёл действительно значительные размеры»¹².

Но если в истории сельского хозяйства Польши XV—XVI вв. роль внешнего рынка не имела того значения, какое ей приписывают, то относительно России это замечание надо принять ещё в большей степени.

В самом деле, на какой внешний рынок в конце XV и в XVI в. Россия вывозила свой хлеб? Единственное указание в источниках мы имеем на Швецию, куда попадала некоторая доля русского хлеба, но столь скромная, что это обстоятельство не могло вызвать больших перемен в организации сельского хозяйства в России XVI века. А что эти, весьма заметные перемены имели место в России, точно так же, как и в других странах Европы на восток от Эльбы, сомневаться не приходится.

Надо искать другие причины, вызвавшие эти перемены. Причины эти могут быть найдены во внутренней жизни всех упомянутых стран. Мы смело можем назвать их ростом внутреннего рынка. Очень много симптомов подтверждают это положение: значительное усиление роли денег во всех областях жизни, рост старых городов, появление новых поселений городского типа, усиление процесса расслоения в деревне, в связи с чем имеет место увеличение числа оторванных от средств производства людей, готовых идти в кабалу на любых условиях, заметные изменения в общественном разделении труда, увеличение значения хлеба в качестве товара именно на внутреннем рынке. В связи с ростом внутреннего рынка стоят и перемены в государственной жизни страны.

Начинает падать политическое значение знати. Государь в своих владениях вынужден смириться и признать власть великого князя московского, а потом и царя. Вынужден потому, что власть великого князя нашла себе мощную социальную опору в городах и во вновь созданных военных кадрах, в помещичьем централизованном войске.

Крестьянин был очень серьёзной деталью в этой перестройке облика Руси. Совершенно не случайно крупнейший русский мыслитель первой половины XVI в. Ермолай-Эразм смело и убеждённо заявляет, что Россия нуждается не столько во вельможах, сколько в крестьянах: «В начале же всего потребна суть ратаеве», — потому что они производят самый нужный продукт — хлеб.

Тот же автор, однако, отмечает, что, несмотря на свою исключительную полезность в обществе, крестьяне находятся под тяжким ярмом. Ермолай-Эразм не предполагал, что через три—четыре десятка лет положение его подзащитных ухудшится в значительно большей степени.

Почувствовав потребность в большом количестве денег, землевладелец, боярин, монастырь, помещик не могли остановиться в погоне за деньгами, и одни из них разорялись окончательно, другие умело приспособивались к новым условиям жизни и процветали. Нередко можно было встретить среди монастырских слуг и даже холопов недавних состоятельных землевладельцев, не сумевших спасти своего положения. Немало можно было встретить и людей, недавно разбогатевших.

¹¹ Кутшеба С. «Очерки истории общественно-государственного строя Польши», стр. 71. 1907.

¹² Rutkowski J. Op. cit., str. 52.

Интересно отметить, что знакомый уже нам Ермолай-Эразм указывает, как раздобываются деньги: «Аще же убо комуждо на потребу удобь будет сребро,— имат кайждо излишня жита своя и се беспошлинно продая градским жителем и елицы и хлеб купуют и сим на потребу свою сребро притяжет»¹³. Жито превращается в деньги—стоит только доставить его в город. Кроме городских жителей, питающихся покупным хлебом, существуют и купцы, скупающие и, конечно, продающие хлеб. Для феодала-землевладельца добывать деньги, без которых он уже не мог обходиться,— это значило приобрести «излишня жита», т. е. хлеб сверх пищевой потребности семьи и двора. А излишнее жито мог доставить землевладельцу только зависимый от него крестьянин. Он и добывал его и во времена Русской Правды, и во времена Вислицкого статута, и во времена Великокняжеского и Царского судебников. Землевладелец не мог пожаловаться, что ему нехватает хлеба, птицы, бараньих лопаток или сыров. Всё это у него было в изобилии. Он хорошо питался, и надо думать, не скверно кормил свою дворню.

Но вот пришли другие времена, когда хлеб стал товаром и когда землевладельцу стали нужны не только пищевые продукты, но и деньги, на которые он покупал в городе то, чего не могла дать ему деревня и без чего он уже обходиться решительно не мог.

В городе работали лучшие оружейники, портные, ювелиры, у городских купцов можно было купить хорошее сукно, парну и многое другое, к чему обязывала царская служба, особенно в Москве. Не мог служилый человек выйти и в бой в старинных доспехах и с устаревшим оружием. Роскошь московского царского двора XVI в. удивляла иностранцев. Придворная знать тянулась за двором. Обходилось ей это очень дорого.

Не внешний рынок, а внутренний диктовал свои условия и заставлял землевладельцев-феодалов задумываться над тем, как расширить и упрочить свою материальную базу, над своим сельским хозяйством, единственным источником их доходов.

Конечно, и оброчный крестьянин не мог не заметить перемены в своём положении к худшему; потому что прежняя норма оброка, освящённая стариной, сейчас была отменена, и в послужную грамоту крестьянам вместо прежнего «давати оброк по старине» вписали: «платити, чем вас (крестьян) изброчит» хозяин. В той же послужной всё чаще и чаще стала появляться и другая новость: крестьянин обязывался на хозяина «пашню пахать». С увеличением оброков росла и барщина, ложась большой тяжестью на крестьянина. Барщина начинает завоевывать ведущее место в системе эксплуатации зависимого крестьянства.

Если в период господства оброчной системы у крестьянина сравнительно мало было поводов пользоваться правом Юрьева дня и тем более прибегать к бегству, то сейчас обстановка сильно изменилась: землевладельцы в поисках рабочей силы стали проявлять большую избирательность, а крестьяне в поисках более льготных условий жизни не только охотно откликнулись на соблазны «отказчиков», этих агентов крупных землевладельцев, но часто устраивали побеги. Количество беглых росло.

Если принять во внимание классовую природу верховной власти, заинтересованной в сохранении и росте военных кадров, службу которых обеспечивал крестьянин, если учесть финансовую политику государства, построенную главным образом на обложении того же крестьянина, и в этом отношении поставленного под контроль помещика, то будут вполне понятны меры, принятые правительством.

Внешние обстоятельства (тяжёлые войны Ивана Грозного) и внутренняя, обострившаяся до крайности классовая борьба побудили власть не откладывать решение труднейшего и важнейшего крестьянского вопроса. Правительство не решалось прибегать к резким мерам и в 1580.

¹³ Летопись занятий Археологической комиссии. Вып. 33-й, стр. 198—199.

или 1581 г. объявило закон об отмене Юрьева дня временной мерой, «покаместа земля поустроится».

Но в течение того времени, когда устраивалась земля, землевладельцы так успели освоиться с выгодным для них временным законом, что стали держаться за него руками и зубами. На высказываемые иногда вслух чаяния крестьян о возможности разрешения выходов, землевладельцы не без основания уверенно отвечали: «До смерти де вам, крестьянам, выходу не будет». Власть тоже не поощряла крестьянских мечтаний, особенно когда они высказывались вслух. Временная мера явочным порядком превратилась в постоянную.

В подготовке этих крупных перемен в хозяйственном и правовом положении крестьян и в дальнейшем углублении и расширении крепостнических отношений и заключается конкретное содержание четвёртого периода в истории русских крестьян. Я пока не касаюсь тех процессов, которые знаменовали новые явления в крепостнических отношениях, приведших к петровской реформе. Нетрудно заметить, что в основу периодизации истории крестьян мною положена теория генезиса докапиталистической земельной ренты Маркса.

Оставаясь неизменно на указанных теоретических позициях, я не мог не учесть того, что Маркс имел в виду главным образом те страны Европы, которые через денежную ренту перешли к капиталистическому строю, тогда как мне пришлось иметь дело с той страной, или, точнее, с теми странами, где феодальные отношения задержались приблизительно на два столетия после того, как на запад от Эльбы обнаружались явные признаки капитализма.

Понятно, почему мне пришлось наблюдать здесь появление и эволюцию денежной ренты в иной обстановке.

Я старался показать принципиальные основания своей периодизации, но, конечно, далеко не исчерпал всех признаков, отличающих один период от другого: на некоторых из них я считаю полезным остановиться. Мне хочется коснуться вопроса об эволюции понятия «смерд-крестьянин». Оно в течение веков не оставалось неизменным¹⁴.

Если в период господства челяди смерды составляли основную массу свободного сельского населения, то в следующий период эту же массу мы видим в положении подданных своих сеньёров. Она и в этом качестве остаётся более или менее монолитной. Только в переходный момент к четвёртому периоду мы наблюдаем настолько большие перемены в экономическом и правовом положении этой доселе монолитной массы, что термин «смерд-крестьянин» становится уже недостаточным.

Как правильно отметил В. О. Ключевский, именно в это время, т. е. в середине и особенно во второй половине XV в., в результате отрыва от привычных, старых условий жизни выявилось много новых групп сельского и городского населения, потерявшего возможность вести своё собственное хозяйство и вынужденного искать заработка. Приходилось браться за работу на кабальных условиях. Именно в это время мы начинаем всё чаще и чаще встречать серебряников, кабальных людей, бобылей, половников, монастырских детёнышей, крестьян-новопорядчиков. Этим я совсем не хочу сказать, что до середины XV в. эти прослойки совсем не существовали. Я имею в виду подчеркнуть другое. Эти группы оторванных от средств производства людей не были столь многочисленны, их роль в общей экономической жизни страны была сравнительно невелика.

¹⁴ «Крестьянин» — термин, появившийся в части Руси, наиболее угнетённой татарами. Магометанин-татарин считал себя высшей расой по сравнению с христианином. Христианин стал символом принадлежности к чёрной кости. Так появился и затем удержался в Северо-Восточной Руси этот термин. «Смерд» остался в Новгороде и Пскове, где не было столь большого разгула татарщины, до самого присоединения их к Москве.

В данный момент их значение в производстве выросло настолько, что пришлось основную зависимую массу полноценных старых тягловцов-крестьян называть особым, новым термином.

Так родилось новое слово — «старожилец». Оно понадобилось именно в этот переходный отрезок времени, когда нарушена была установленная веками жизнь деревни, когда появилось много поистине бродячих элементов, отмежевать которые от старых полнотяглых жильцов стало необходимостью. Но и этому беспокойному отрезку времени пришёл конец, и термин «старожилец» в своё время стал тоже ненужным. Произошло это в начале XVIII в., когда все многочисленные прослойки сельского населения были разделены на две основные группы: крестьян и дворовых.

По признаку правового положения зависимого населения, как уже было показано выше, отмеченные периоды имеют значительные различия. В период господства первоначальной отработочной ренты все элементы челяди носят на себе ещё много черт первоначального домашнего рабства. Под эту категорию до некоторой степени подводятся, но не отождествляются рядовичи и некоторая доля смердов. В своей массе смерды в это время были ещё свободны.

В следующем периоде, когда огромные массы смердов-крестьян становятся подданными сеньерии и их обязанности по отношению к господам облекаются в форму ренты продуктами, смерды-крестьяне пользуются сравнительно с предыдущим и последующим временем некоторыми льготами. За крестьянином государство оставляет право выхода — Юрьев день.

Челядь не исчезает окончательно. Уменьшается только её прежний удельный вес. Патриархальный раб уже успел превратиться в средневекового серва, исчезает право мёртвой руки. По выражению В. И. Ленина, это есть первое расширение самостоятельности зависимых крестьян¹⁵.

Наконец, последний из рассматриваемых здесь периодов несёт с собой отмену Юрьева дня и в конечном счёте оформление подлинных крепостных отношений.

Считаю необходимым затронуть ещё некоторые стороны дела. В отличие от своих предшественников я не счёл возможным в процессе изучения резко отделять вопрос о холопах от вопроса о крестьянах, исходя из принципиального положения о том, что, подходя к истории холопства и крестьянства, мы, собственно говоря, подходим к проблеме различных форм эксплуатации человека человеком в погоне господствующих классов за рабочей силой.

Совершенно не случайно раб патриархального общества превращается в средневекового серва, не случайно Пространная Русская Правда ограничивает источники полного холопства, не случайно в XV в. холопы массами отпускаются на волю или сажаются на землю. Не случайно, наконец, в 80-х годах XVI в. кабальные люди и зависимые крестьяне одновременно потерпели ущерб в своих правах в одном и том же направлении.

Всё это результат роста производительных сил, на каждом этапе развития которых появляются свои особенности и свои решения проблемы добывания и укрепления рабочих рук, необходимых для существования феодала и феодального государства.

Несмотря на принципиальную разницу между рабом и крестьянином, их история тесно переплетается. Различная в своём начале, эта история в конечном счёте приводит к единому итогу: масса холопов оказывается в рядах крепостного крестьянства.

Мне хочется верить, что я избежал многих ошибок своих предшественников благодаря иному подходу к разрешению задачи. В процессе

¹⁵ См. Ленин. Соч. Т. III, стр. 127.

работы я ясно увидел, что Россия не является оригинальной страной с неповторяемыми особенностями, что она только одна из европейских стран, запоздавших расстаться с феодальными общественными отношениями.

Исходя из этого общего положения, я всегда считался с судьбой крестьян Польши, Литвы и Ливонии. К польскому землевладельцу и крестьянину я должен был относиться с особым вниманием, поскольку в состав Польши с XIV в. вошла Галицкая Русь, представлявшая для меня особый познавательный интерес.

Параллельное рассмотрение истории крестьян нескольких стран, объединённых тем, что они до XIX в. оставались феодальными, дало возможность проследить в известной закономерности повторяющиеся в этих странах детали, которые, несомненно, помогают понять их значительно точнее.

Русский смерд, например, оказался весьма похожим на польского кмета, русский старожилец обнаружил черты весьма большого сходства с крестьянином-«непохожим» литовского права, крестьянин-новопорядчик — с так называемым вольным, или «похожим», человеком того же права и т. д. и т. п.

Самое же важное — это полный параллелизм во всех этих странах самого процесса, приведшего к оформлению крепостного режима. Та же периодизация, те же основные причины перехода от одной формы эксплуатации сельского населения в период феодализма к другой, те же окончательные результаты, только небольшие расхождения во времени и степени проявления отдельных сторон процесса.

Ливония в деле усиления нажима на крестьян лет на 20—30 идёт впереди Литвы; Польша на такое же время опережает Россию.

Польский шляхтич получает более значительные права над подвластным ему населением, включая и право присуждения к смертной казни, чего русский помещик не имел никогда. Это результат разницы в государственном строе Польши и Руси.

Но эти отклонения всё же не могут скрыть единства основных закономерностей в истории крестьянства во всех указанных выше странах Европы.
